

ФЕДОР СТЕПУН СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

С комментариями В. К. Кантора

FYODOR STEPUN TESTIFIES

With comments by V.K. Kantor

Русская пореволюционная эмиграция, которую трудно назвать эмиграцией, поскольку по большей части это был не добровольный отъезд, а изгнание, пыталась определить себя как самостоятельная сила, искала связей, возможно, немислимых в мирное время на Родине. В этом ключе, как мне представляется, написано дружеское письмо философа Ивана Александровича Ильина (1883–1954) генералу барону Петру Николаевичу Врангелю (1878–1928).

Russian post-revolutionary emigration, which can hardly be called emigration, since for the most part it was not voluntary departure, but exile, tried to define itself as an independent force, looked for connections, possibly unthinkable in peacetime in the homeland. In this vein, it seems to me, a friendly letter is written by the philosopher Ivan Alexandrovich Ilyin (1883–1954) to General Baron Pyotr Nikolaeovich Wrangel (1878–1928).

Ключевые слова: Ф. А. Степун, П. Н. Врангель, Временное правительство России, И. А. Ильин, Б. В. Савинков.

Keywords: F. A. Stepun, P. N. Wrangel, Provisional Government of Russia, I. A. Ilyin, B. V. Savinkov.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-25-30

Революция перемешала людей и страны. Но речь о Степуне. Жизнь его сложилась так, что он оказался на пересечении разных судеб. Философ, прошедший войну, работавший в политуправлении военного министерства Временного правительства под началом знаменитого эсера-террориста, ставшего министром, Бориса Викторовича Савинкова (1879–1925), который был до революции главой «Боевой организации» эсеров. Очевидно, Врангель не оставлял мысли о продолжении борьбы — несмотря на изгнание из Крыма и страшное «галлиполийское сидение», когда из-за предательства англичан и французских союзников, отказавшихся принять русских солдат, армию постигла невероятная смертность от голода и болезней. Рус-

М. В. Нестеров. Мыслитель
(Портрет философа И. А. Ильина).
1921–1922. Холст, масло.
Государственный Русский музей,
Санкт Петербург

скую белую гвардию приняла Сербия. В Белграде можно видеть огромный русский некрополь.

Поэтому Врангель и обратился к Ильину¹, чтобы тот прояснил ему фигуру Савинкова, бывшего военного министра, сражавшегося с большевиками. На что надеялся барон — сегодня не очень понятно. Но мне важно это письмо, поскольку в нем Ильин цитирует ответ Степуна, к которому он обратился с вопросом, заданным Врангелем. А Степун записал в одной из последних своих статей то, что он не раз с самого начала изгнания озвучивал публично. Он всегда был против интервенции в Россию, считая главной задачей эмиграции защиту России перед лицом Европы и сохранение образа русской культуры, именно этот смысл он вкладывал в свои слова: «Пребывание на чуж-

бине оправдывается только борьбой за родину» (Степун, 207: 541). В его большой переписке, значительную часть которой я опубликовал, строчки, процитированные в письме Ильина Врангелю, мне не встречались, поэтому пользуюсь возможностью их обнародовать. Все эти соображения Степун потом развил в мемуарах.

Текст Степуна выделен курсивом.

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю

4 октября 1924 г.

Сан-Ремо. 1924. X.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Спасибо Вам на добром слове. Моя духовная связь с белой Армией есть связь давняя, изначальная. Еще в апреле 1917 г. я высказывал убеждение, что спасти Россию может только наступление, военное патриотическое наступление на революцию, и с тех пор я ношу этот белый меч в сердце, в слове и в деянии.

¹ Источник см.: http://russianway.rhga.ru/upload/main/18_Vrangel.pdf.

В настоящее время я заканчиваю новую, сравнительно небольшую работу (листов 8 печатных) «О сопротивлении злу»¹. Она посвящена искоренению всякого «непротивленчества» и обоснованию праведного меча, подъемлемого на злодея. Это не политический памфлет, а философический трактат, написанный в предуказанном мною самим духе («на этих решениях и подвигах мы построим новую русскую этику»); но по замыслу и выполнению он будет доступен всем. Я думаю, что мне удастся выпустить ее еще в течение ближайших месяцев. Хотел бы выпустить ее с посвящением: «Русской белой Армии и ее вождям». Считаю правильным испросить предварительно Ваше согласие на это. <...>

Другой вопрос — Савинков. Еще этой зимою я отговаривал добрых знакомых, чтобы не вязались с ним.

Корнилов был предан не токмо дураком и полуподлецом Керенским, а и не дураком и совершенным подлецом Савинковым. И должен признаться, что я с самого начала нисколько не верил в противобольшевистскую активность этого большевистского кузена. После известий о его новом шаге я запросил о нем его доброго знакомого Федора Августовича Степуна. Степун — обрусевший немец; а потом и поднемеченный русак; большую войну был на фронте, слегка эсерствовал и пораженчествовал; в 1917 г. был помощником Савинкова по политическому комиссарству при армии; в 1922 г. выслан большевиками из России за то, что публично на театральном диспуте заявил, что они «дьяволы». Он публицист, полуфилософ, работает и сейчас с эсерами. Вот что он мне ответил: «...в конце концов Савинкова от большевиков, за исключением его физиологического антисемитизма, ничего не отделяет. Демократом он никогда не был и с демократами психологически никогда ничего общего не имел. Демагог, поклонник диктатуры и человек, всю жизнь веривший только в маску и силу, он, в конце концов перейдя на сторону

Петр Николаевич Врангель

¹ Книга вышла под названием «О сопротивлении злу силою» (Берлин, 1925).

большевиков, остался верен только самому себе. Меня без конца возмущает почти все, что сейчас пишут о нем демократические и социалистические газеты. Все хором утверждают, что он стал предателем и оказался подлецом; все, тайно или явно, дают понять, что он, в сущности, всегда был тем, чем оказался, и никто не ставит себе вопроса, кем же были те, кто им всегда пользовался, и что скверного в том, что им в конце концов воспользовались и большевики. Конечно, он до некоторой степени авантюрист, но главное все же не в этом; главное в том, что он, по крайней мере, на четыреста лет запоздал рождением и что он психологически и стилистически ни в какой мере и степени не русский человек. Он итальянец эпохи Возрождения: человек в плаще, с кинжалом за спиной и с латинской цитатой на устах. Он никогда не интересовался политикой, никогда ничего не понимал в структуре современной жизни и всегда очень слабо разбирался в людях, чему доказательство — комиссарверх Филоненко. Накануне большевистского переворота он упорно утверждал, и я ничего не мог с ним сделать, что слева ничего нет, кроме галлюцинаций Керенского, что вся опасность — справа (это несмотря на фантастически быстрый провал Корниловского движения). А почему? Только потому, что он не мог себе представить, что в мире может быть нечто, чего нет в его душе, чего он не любит, чего ему не хочется уничтожить, убить (любить и уничтожить было в его душе всегда одним и тем же чувством, мы с ним об этом как-то очень подробно говорили). Может быть, из всей его борьбы против большевиков (имею здесь в виду борьбу террористическую) ничего не вышло потому, что они не были для него соблазнительны и пленительны, как жертвы. Я глубоко уверен, что к своим жертвам эпохи царского режима он относился положительно-таки со страстью, с любовным пристрастием. Что он будет сейчас делать у большевиков, я не вижу. Его речь, конечно, сплошная ложь. Крестьянами и рабочими он никогда не интересовался. Если бы он даже искренно думал, что весь простой русский народ действительно признает большевиков, это ни на секунду не могло бы быть для него причиной признания советской власти. Я провел с ним в ежедневном общении первые шесть-семь месяцев революции — и абсолютно убежден, что простой русский народ был для него, как участник революции, так же противен и неприемлем, как дворник в нарядной спальне его любовницы. Если он пошел к большевикам не только от тоски своей бесславной заброшенности и не только ради новых переживаний укротителя, входящего в клетку со львами (что большевики его помиловали — ничего не значит; они могут его завтра же расстрелять, и напрасно эмигрантские психологи представляют себе его жизнь в России очень уютной¹), а с некоторой определенной мыслью, то, конечно, с расчетом на роль Наполеона, которому должна достаться победа

¹ Как Степун и предвидел, на следующий год (1925) Савинков был убит чекистами, которые умело инсценировали самоубийство бывшего террориста, якобы прыгнувшего в окно или, по другой версии, в лестничный пролет.

во внутривнутрипартийной большевистской борьбе. Что из этого ничего не выйдет, я абсолютно убежден. Мне кажется, что я хорошо знаю и верно чувствую Савинкова. Он — человек большой, но насмерть раненный беспредметной фантастикой и стилистической пошлинкой. Любит черный фрак и гайдуков перед дверью своего таинственного кабинета. Я сейчас очень занят выяснением себе дела Корнилова. Я боюсь, что Савинков сыграл в нем роковую роль...» etc.

Из этого письма видится и Савинков, и Степун. Комментарии излишни. Философов, друживший с Савинковым, всегда был человеком неумным, сентиментальным, но честным. Он Савинкова искренно идеализировал. Ему, да и всем, о ком Савинков что-либо знал, необходимо погасить все дела, известные Савинкову, и начать все сначала: предаст; и если не сразу, то по мере собственной надобности, доказывая свою лояльность большевикам. Для этого он, конечно, выдал не все зарез. — Письмо Степуна сообщаю конфиденциально.

На этом кончаю. Желаю Вам здоровья и верю, что Господь Вас хранит. Нездоровье помешало мне в июне быть у Вас в Карловцах¹ лично. Я страдаю катаром легкого, от времени до времени обостряющимся и делающим меня полуинвалидом. Я очень жалел об этом по многим основаниям. Многого же и не напишешь. Искренно преданный И. Ильин.

Адрес: Italia. Liguria. San Remo. Villa Zirio.

Савинков понимает в конспирации и сыске. Он наверное будет там работать по политическому сыску, с тем чтобы губить противобольшевистские и в то же время ему лично неудобные, непокорные организации и начинания. Он знает технику дореволюционной охраны и провокации. Бороться с ним будет крайне трудно. Доверяться ему крайне неразумно. Если бы его настигла там кара французской контрразведки, которая перед ним в долгу, то это было бы лучшим исходом.

Литература

- Степун Ф. А. (2013). Письма / Составление, археографическая работа, комментарии, вступительные статьи к тому и разделам В. К. Кантора. М.: РОССПЭН.
- Степун Ф. А. (2017). Родина, отечество, чужбина // Степун Федор. Большевизм и христианская экзистенция. / Сост. В. К. Кантор. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

References

- Stepun F. A. (2013). Pis'ma / Sostavlenie, arheograficheskaya rabota, komentarii, vstupitel'nye stat'i k tomu i razdelam V. K. Kantora. M.: ROSSPEN.
- Stepun F. A. (2017). Rodina, otechestvo, chuzhbina // Stepun Fedor. Bol'shevizm i hristianskaya ekzistenciya. / Sost. V. K. Kantor. M.-SPb.: Centr gumanitarnyh initsiativ.

¹ Город в автономном крае Воеводина (Сербия), в регионе Срем, расположенный на берегу реки Дунай, в 8 километрах от Нови-Сада.

Барон П. Н. Врангель (в центре) в замке Зеон (Бавария), принадлежащем герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому, в кругу близких. Слева от Врангеля дочь Елена, справа ее муж Аркадий Константинович Угринич-Требинский (1897–1972). Стоят слева направо: хозяйка дома герцогиня О. Н. Лейхтенбергская (1872–1953), Н. М. Котляревский (секретарь Врангеля), Н. Н. Ильина, С. А. Соколов-Кречетов (директор издательства «Медный Всадник»), И. А. Ильин, А. А. фон Лампе. 2 июля 1926